

ШЕРЛОК ХОЛМС

Н. М.
СКОТТ

«ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЛОРДА ДОНЕРЛИ»
И ДРУГИЕ
НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

N. M.
SCOTT NW1
BAKER STREET 221B

Н. М. Скотт

**Шерлок Холмс. «Исчезновение
лорда Донерли» и другие
новые приключения**

«Центрполиграф»

2013

Скотт Н. М.

Шерлок Холмс. «Исчезновение лорда Донерли» и другие новые приключения / Н. М. Скотт — «Центрполиграф», 2013

Доктор Ватсон – верный друг и «летописец» несравненного Шерлока Холмса – просматривает заметки в своей записной книжке и вспоминает занимательные происшествия, которые остались неизвестными читательскому миру... Так рождаются под пером нашего современника Н.М. Скотта четырнадцать историй о знаменитом сыщике. Написанные с юмором и стилистически точные, они великолепно передают особенности криминалистики и атмосферу викторианской Англии конца XIX – начала XX века.

Содержание

1	6
2	14
3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Н.М. Скотт
Шерлок Холмс
«Исчезновение лорда Донерли»
и другие новые приключения
Собрание детективных
историй, публикуемых по
завещанию доктора Ватсона
Новеллы

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

1

Хавершемская сорока

Первого января 1890 года мы с Холмсом шагали по Бейкер-стрит со стороны Оксфорд-стрит. Зима выдалась холодной, и обледенелые тротуары, кое-как присыпанные сажей, были предательски скользкими. С неба сыпал снег, дул пронизывающий северный ветер. По другой стороне улицы двигался пожилой джентльмен, и мы не без смеха – ибо смех, как известно, помогает согреться – наблюдали, как он, согнувшись, неловко вертит зонтом, пытаясь укрыться от снежной крупы, летящей в лицо. И вдруг ветер рванул с такой силой, что его зонт развалился надвое. Бедняга остался с голой тростью в руке, а купол поднялся в воздух и перелетел улицу на манер гигантской вороны, где упал и заскользил по льду, как на коньках. Холмс радостно бросился следом, догнал беглеца и дважды энергично топнул по нему ногой – словно хотел убить.

– Благодарю вас, сэр, – пропыхтел владелец зонта, торопливо подходя к нам.

– Ваш зонт нужно сдать в починку, – сказал я, – тут неподалеку, на Уимпол-стрит, есть мастерская. Вы знаете, где это?

– Боюсь, мне придется выбросить его, сэр, – ответил мужчина, осматривая гнутые спицы и порванную ткань. – Но я все-таки очень благодарен вашему другу, ибо мне не хотелось бы отвечать в суде за выбитый по вине моего зонта глаз или того хуже. Кстати, джентльмены, кто-нибудь из вас двоих не проживает случайно поблизости?

– Да, мы оба здесь живем. А что вы ищете?

– Я ищу некоего мистера Шерлока Холмса, – сказал он. – Причем я побывал уже по трем адресам, и все впустую. Нигде его нет!

– Что ж, ваши поиски завершились, – улыбнулся я, – ибо по счастливой случайности Шерлок Холмс – это тот самый джентльмен, который обезвредил ваш зонт.

– Слава богу! – с облегчением воскликнул незнакомец. – Мое имя Реджинальд Кэнти, сэр. Я бывший банковский служащий из Суррея.

– Рад познакомиться, мистер Кэнти, – сказал мой друг, поправляя шарф. – Я с готовностью выслушаю вашу историю. Дело, полагаю, важное, раз вы выбрались из дому в такую непогоду. Мы, кстати, живем по номеру 221б.

Снег как раз повалил гуще, так что мы все сели в кеб и поехали к нам домой.

Кэнти оказался довольно приятным человеком. Его сдержанное достоинство выдавало в нем служащего Сити, ставшего слегка циничным и грубоватым за те годы, что ездил на работу в Лондон и обратно. Твердый взгляд ярко-зеленых глаз и квадратный подбородок говорили о решительности и ответственности в деле банковских операций и балансовых отчетов.

Расположившись в креслах у нашего весело горящего камина, мы приготовились услышать, что заставило мистера Кэнти спозаранок покинуть Хавершем, чтобы искать совета моего коллеги.

– Я приехал по поводу ограбления, что произошло в ночь под Новый год, мистер Холмс, – начал он. – Нет, скорее ограблений. К сожалению, было несколько случаев.

– И жертвой одного стали вы, я полагаю?

– Верно. Хуже того – ума не приложу, как вор мог проникнуть ко мне в дом, а потом выбраться незамеченным. И это еще не все. Утром мой сосед Филип Лэм, управляющий банком, сообщил мне, что ограбили и его дом, равно как и дом напротив – принадлежащий брокеру Стэнли Роджерсу.

– Скажите, пожалуйста, что же было украдено?

– Драгоценности, сэр! У моей жены пропала бриллиантовая диадема, ожерелье из рубинов и несколько колец. Удивительно, что мои личные вещи остались целы. У Лэма и Роджерса та же история.

– Вы заявили о краже в полицию?

– О нет – я не хочу, чтобы наши с женой имена трепали в газетах. Поскольку соседи придерживаются сходного мнения, с посторонними мы это не обсуждали. Вчера вечером мы отмечали праздник. В полночь к нам присоединились слуги, чтобы по традиции выпить за наступающий год. Было без малого два часа ночи, когда жена поднялась в спальню, а я задержался, чтобы напомнить Мэттьюсу – это честный и обязательный человек, из самых надежных, что когда-либо служили у нас, – что на одно окно в оранжерее требуется вторая рама. И вдруг моя жена испуганно закричала.

– А где ваша жена хранит драгоценности?

– В чиппендейловском бюро рядом с туалетным столиком.

– И оно было открыто?

– В том-то и дело! Понятно, что леди встревожится, увидев, что ее бюро взломали. Тогда я, несмотря на жгучий холод, решил осмотреть наши владения, помня о том, что накануне выпал снег. И вот, успокоив жену, я оставил с ней горничную, а сам взял Мэттьюса, собак и фонарь, и мы обшарили весь двор и сад, отыскивая следы вора. Могу вам сразу сказать, что снег на стене, огораживающей сад, был не тронут. Отсюда я сделал вывод, что никто и не пытался вскарабкаться на нее.

– Как проникательно с вашей стороны! – заметил мой коллега, и глаза его лукаво блеснули. Он покурил трубку, глядя на снежную пургу за окном.

– Знаете, мистер Холмс, поскольку я имею слабость к детективным романам, я и подумал: а почему бы не воспользоваться почерпнутыми из литературы знаниями?

– Вот как? Прошу вас, мистер Кэнти, не томите! Какие следы вы обнаружили на земле?

– Минуточку терпения, я как раз собирался об этом рассказать, – сказал отставной банковский служащий, все больше раздуваясь от переполнявшей его важности и не слыша иронии в голосе моего друга, склонного к юмору и лукавым выходкам.

Наверное, он представлял себе, что идет по стопам Эдгара Аллана По и демонстрирует недюжинную интуицию.

– Снегу навалило, я бы сказал, примерно с фут, и наследили – насколько удалось разглядеть – только птицы и собаки. Дорожки в свете луны выглядели так же, как и накануне. Мэттьюс, я полагаю, несколько раз за последние дни ходил по саду, наполняя кормушки для птиц, да бегали собаки. Вот и все. Я обернулся, чтобы оглядеть дом. Окна повсюду были в целости. Если вор воспользовался приставной лестницей, то следов ее не осталось. Наша же длинная стремянка была на месте, и никто как будто ее не трогал.

– Дорогой Ватсон! Судя по рассказу мистера Кэнти, нам предстоит сложное расследование. Злоумышленник, воспользовавшись тем, что хозяева увлечены празднованием Нового года, ограбил три дома, стоящие по соседству. Кстати, мистер Кэнти, вы упомянули, что держите собак?

– Мы все держим собак, – не без удивления ответил наш собеседник. – Мой спаниель поднимает лай при малейшем шорохе во дворе, а Лиззи, шотландский терьер, хоть и более спокойная по характеру, но тоже в долгу не останется. У Стэнли Роджерса есть черный лабрадор, а у Лэма – колли.

– Хавершем находится в графстве Суррей, не так ли? – уточнил Холмс. – Много ли поездов прибывает к вам из Лондона в Новый год?

– Как в любой другой день. Поезда идут каждые полчаса с вокзала Виктория через Кройдон. Впрочем, непогода могла нарушить график движения – знаете, стрелки, возможно, замерзли или пути засыпало снегом.

– Тогда, Ватсон, я предлагаю сначала пообедать – миссис Хадсон приготовила великолепное жаркое из дикой утки, – а затем всем вместе отправиться на вокзал Виктория.

* * *

Мы прибыли в Хавершем в третьем часу. Поезд и впрямь задержался по вине неисправных семафоров и сугробов на рельсах. Кэнти жил в симпатичном тупичке на окраине Хавершема, неподалеку от гостиницы «Лебедь». Соседями Кэнти был народ состоятельный: банковские служащие на пенсии, биржевые брокеры и люди подобных профессий.

Указывая на дома Стэнли Роджерса и Филипа Лэма, Кэнти заметил, что они построены по проекту чудаковатого шведского архитектора Свенсона, чем объясняется особое стилевое однообразие, которое точнее всего можно описать как сочетание континентального и британского Средневековья. Особняк Кэнти, например, спереди напоминал альпийский охотничий домик с круглыми нормандскими башенками по сторонам, а сзади был традиционно тудоровским: красный кирпич, фахверк и многостворчатые окна. Впрочем, для Англии это не так уж и нелепо, как может показаться на первый взгляд, ибо благодаря туманам и дождям все контрасты смягчаются, а местный ландшафт имеет шанс сойти за склоны тирольских гор, где пасутся стада и бродят олени.

На заснеженном крыльце нас встретили миссис Кэнти и две собаки. Хозяйка проводила нас в большую просторную гостиную, обставленную удобной мебелью, где за каминной решеткой весело горел огонь. Мы подошли к камину и стали греть озябшие руки.

– Спасибо вам, что согласились приехать, – сказала миссис Кэнти. – Мои безделушки, допустим, задорого не продашь, но я к ним очень привязана. А Глория Лэм просто в отчаянии: у нее пропало бриллиантовое кольцо – подарок мужа на помолвку, и рубиновые серьги, что достались ей от матери. Странно, что вор не удостоил вниманием бумажник мистера Кэнти, его золотые часы и запонки. Да и дорогая посуда в соседней комнате осталась на месте.

Улыбнувшись, Холмс раскурил трубку, бросил спичку в камин и стал смотреть на пляшущие языки пламени.

– Я, кажется, догадываюсь, в чем тут дело, сударыня, – сказал он. – Наверное, его интересуют только драгоценные камни.

– Не знаю, что и сказать, мистер Холмс. – Женщина взяла на руки терьера и любовно погладила по голове.

– Наверное, это вор из породы сорок, – предположил я, – они любят все блестящее.

– Да, подходящая характеристика, мой дорогой Ватсон. – Холмс выбил трубку о каминную решетку и повернулся к Реджинальду Кэнти, который сидел у огня и внимательно слушал нашу беседу. У его ног лежал, свернувшись, золотистый спаниель. – Можно мне взять вашу лестницу? На полчаса, не более.

– Лестницу?

– Ну да. Я хочу взобраться на крышу. А вы, Ватсон, составите мне компанию?

– Разумеется, – ответил я и стал натягивать перчатки.

– Сейчас я велю Мэттьюсу ее принести. – Кэнти позвонил в колокольчик.

– Отлично! Мы начнем с дома вашего соседа Лэма, а затем вернемся к вам.

Трудясь над проектом этого дома, архитектор Свенсон воплощал идею простоты и практичности, и в результате его детище – не в пример дому Кэнти – можно было принять за будку таможенника где-нибудь на швейцарской границе. На крыше помещалась высокая платформа, предназначавшаяся для обсерватории, которую так и не построили по причине дороговизны и протестов со стороны местного населения. Под козырьком на крыльце висели длинные сосульки, в свете нашего фонаря снег блеснул, точно шлифованные алмазы, ибо мороз к вечеру крепчал.

Филип Лэм сам открыл нам дверь. Это был высокий жилистый человек в халате и очках, с зачесанными назад седыми волосами. Его выпуклые глаза над большим орлиным носом внимательно уставились на нас.

– Мистер Шерлок Холмс, если не ошибаюсь?

– Именно так, сэр. А это мой коллега, доктор Ватсон. Говорят, ваша супруга тяжело переживает случившееся?

– Не то слово, сэр. Входите, пожалуйста. Жена сейчас в музыкальной комнате, не будем ее беспокоить. Вы, наверное, хотите осмотреть спальню? – Он с подозрением взглянул на Мэттьюса, державшего лестницу.

– В этом нет необходимости, мистер Лэм. Однако мне хотелось бы осмотреть крышу дома. Вы позволите?

– Крышу? – отчего-то изумился Лэм.

– Ну да. Для этой цели ваш сосед мистер Кэнти согласился одолжить нам свою лестницу.

– Неужели вы думаете, мистер Холмс, что вор взобрался ко мне на крышу по стене дома, точно муха или другое насекомое?

– Сомневаюсь, что преступник обладает способностью на время превращаться в муху, однако он несомненно обладает извращенным умом. Кстати, сэр, на вашем месте я бы закрыл дверь. Такой сквозняк, что недолго простудиться и умереть.

Лэм поправил очки, удивленно и неуверенно посмотрел на моего друга и захлопнул дверь. Мы без промедления двинулись на задворки, где Мэттьюс установил у стены лестницу.

– Похоже, мы напрасно это затеяли, Ватсон, – сказал Холмс, поглядев наверх. – Взгляните – снег на карнизе и балках лежит ровным слоем.

– В темноте не разберешь, – заметил я.

– У меня при себе ручной фонарь, сэр, – сказал Мэттьюс, – прихватил на всякий случай.

– Вы просто гений, Мэттьюс! – Холмс взял у него фонарь и стал карабкаться вверх по лестнице.

Когда я наконец добрался до верха и перелез через парапет, то не сразу сумел разглядеть в темноте склоненную фигуру Холмса, который изучал снег в лупу. Фонарик освещал лишь его орлиный профиль.

– Ввиду отсутствия ватерпаса, Ватсон, скажите мне: что вы думаете о чердачном окне?

– Что тут можно сказать? Створки прилегают неплотно.

– Именно! А рама едва держится в проеме, и выставить ее при помощи стамески не составит труда. Да и раствор, видимо, был плохо приготовлен – смотрите, ведь он крошится.

– Да уж! Благодаря мастерству британских строителей воры-домушники в наши дни могут обойтись без стеклореза – ведь можно легко вынуть целое окно, вместе с рамой и стеклами.

– А затем вставить обратно. Именно таким образом вор и проник в дом, Ватсон. Но я все-таки не понимаю, как ему удалось забраться на крышу.

Вдруг озадаченное лицо Холмса радостно просияло. Он подбежал к парапету, смахнул рукой свежий снег, сгреб что-то в кулак и сунул в карман.

– Ха, Ватсон! А наш парень – не простая сорока-воровка.

– Пора бы подрезать ему крылышки, – пробормотал я.

– Да, давайте спустимся и поищем его гнездо, ибо я уверен, что пропавшие драгоценности находятся там.

Когда мы спустились на землю, Мэттьюс убрал лестницу, и мы все вернулись в дом Кэнти, где хозяева и их собаки с нетерпением ожидали нас.

– Вы знакомы с полковником Брэдсток-Хьюмом? – Холмс протянул к огню озябшие руки. Кэнти помолчал, задумчиво раскуривая сигару.

– Вы имеете в виду того инженера, что руководил строительством моста в Линхэме?

– Да, его самого.

– Нет, лично не знаком, хотя он местная знаменитость. Он живет в Рэдстоне, в старом поместье Комптон-Холл. Это несколько остановок на поезде от Хавершема.

– Понятно. Мне хотелось бы навестить этого полковника Брэдсток-Хьюма.

– Боюсь, что вы не застанете его дома, мистер Холмс. Он уехал в Тунис строить какую-то дамбу.

– А в Рэдстон часто ходят поезда?

– Каждый час до полуночи, но я уверяю вас, мистер Холмс, что вы только зря потратите время, ибо согласно «Суррей газетт», полковник будет в отъезде еще несколько недель.

Когда мы прибыли на станцию, поезд в Рэдстон стоял у платформы. Мы едва успели купить билеты и сесть в вагон, как поезд тронулся.

– Ради бога, Холмс, – сказал я, когда мы закурили, – объясните, при чем здесь полковник Брэдсток-Хьюм. Или вы полагаете, что преступник прячет награбленное у него в поместье? Если это так, то будь я проклят, если понимаю, как вы до такого додумались.

– Меня интересует сам полковник, Ватсон. Он заядлый спортсмен. Помнится, я даже читал о его достижениях в «Телеграф».

– Неужели он разорился и вынужден заниматься грабежами? За свой ночной улов он сможет выручить всего несколько сотен фунтов – да и то, если повезет.

– О нет, он вполне состоятельный человек.

– В таком случае каковы же его мотивы?

– Элементарно, мой дорогой Ватсон. Полковник решил, что сможет совершить идеальное преступление и остаться безнаказанным. Однако напрасно он на это надеется!

Выйдя на станции Рэдстон, мы первым делом узнали у носильщика, как добраться до Комптон-Холла. Он указал нам дорогу, уходящую вниз с крутого холма, точно белая блестящая лента. Все вокруг оледенело, над заиндевевшими тротуарами застыли изогнувшиеся под тяжестью снега деревья. У подножия холма мы увидели большой загородный дом – частично скрытый за деревьями, – чьи фронтоны мягко поблескивали в свете луны. Это и был Комптон-Холл – резиденция полковника Брэдсток-Хьюма.

Мы отворили калитку и двинулись по аллее к дому. Тут же впереди вспыхнул свет, и на крыльце возникла темная фигура человека, державшего над головой фонарь. В лесу за парком закричала сова, раздался тихий свист, и я инстинктивно выхватил револьвер, который всегда ношу с собой после службы в армии, ибо из темноты на нас неожиданно выскочили два огромных свирепых добермана.

– Ко мне, Рекс! – хрипло позвал человек на крыльце. – И ты, Солтер! Ко мне, сейчас же!

Собаки послушно затрусили на зов хозяина, без сомнения обрадовавшись возможности не связываться с чужаками.

– Эй, вы там! – закричал человек, явно имея в виду меня. – Вы нарушили границы частных владений. Немедленно уходите и уводите с собой вашего спутника.

– Полагаю, я имею честь разговаривать с полковником Брэдсток-Хьюмом, владельцем имения? – как ни в чем не бывало осведомился Холмс.

Полковник, помедлив, грузно шагнул с крыльца нам навстречу. Собаки крутились у его ног, зыркая злыми блестящими глазами.

– Прошу прощения, джентльмены, – он протянул руку, – сначала я принял вас за грабителей, что покушаются на мое имущество. Однако я вижу вас впервые в жизни. Вы, наверное, насчет стамбульского контракта?

– Нет, мы пришли выяснить кое-что в связи с ограблением в Хавершеме, – без обиняков заявил Холмс.

Инженер буквально открыл рот от удивления. Он постоял, глядя себе под ноги, а потом еле слышно пробормотал:

– Значит, вы из полиции?

Холмс нарочно медлил с ответом, лишь язвительно улыбался, позволяя Брэдсток-Хьюму помучиться от страха и сознания своей преступной тайны. По истечении некоторого времени он ответил:

– Нет!

На лице инженера отразилось огромное облегчение.

– Сегодня чертовски холодно, – сказал он, – идемте, погреемся у огня.

Мы поднялись на крыльцо по заснеженным ступеням, вошли в дом и попали в просторную теплую комнату, обшитую дубовыми панелями, где стоял терпкий сигарный дух. На столе лежали разнообразные схемы и чертежи, нужные хозяину в работе. Осторожно ступая среди рулонов чертежной бумаги, справочников и прочих предметов, что валялись на полу, мы добрались до камина и уселись на стулья по обе его стороны. Полковник налил нам виски с содовой и расположился в кресле против огня, а собаки легли у его ног.

– Как видите, джентльмены, – начал он, – я увлекаюсь сборкой разнообразных механизмов. – В стеклянных шкафах у стен и впрямь можно было видеть какие-то модели. – У меня есть работающие копии первого американского локомотива и пожарной машины. Я собираю их своими руками и демонстрирую на выставках. Опустите в щель один пенни, и колеса завертятся, а поршневой шток начнет двигаться вперед-назад.

Рекс и Солтер лежали, растянувшись на большом турецком ковре, и смотрели на хозяина мрачными глазами, поблескивающими в свете пламени.

– Весьма оригинально, – заметил Холмс, – но у меня нет при себе мелочи. Кроме того, в настоящий момент меня занимают более важные дела.

– А как вас зовут? – спросил полковник.

– Я Шерлок Холмс, а это мой коллега доктор Ватсон.

– Хотелось бы знать, мистер Холмс, зачем вам понадобилось приезжать ко мне в эту морозную ночь и тратить свое – да и мое – время на обсуждение краж в Хавершеме.

– Краж? Разве я упоминал о кражах? Я говорил об одной, – лукаво улыбнулся Холмс.

– Ах да, я прочитал что-то в «Ист Суррей кроникл», – отмахнулся полковник.

– А разве не в «Суррей газетт»?

– Да, конечно!

– Что ж, весьма странно, потому что это происшествие намеренно держат в секрете, и ни один газетчик пока не в курсе случившегося. Давайте не будем ходить вокруг да около, полковник Брэдсток-Хьюм. Я приехал в Комптон-Холл, потому что знаю, что вы вор, – ладно уж, признайтесь. Вы уже совершили роковую ошибку, и вам не отвертеться.

– Глупости! – воскликнул полковник с раздражением, но ничего другого сказать не успел, потому что Холмс поднял руку, отменяя все его возражения:

– У меня есть улика, которая полностью вас изобличает!

Он встал, подошел к полковнику, вынул что-то из кармана и показал. На ладони у него лежал бурый ком мокрого песка. Холмс стал осторожно просеивать песок меж пальцев, делая дорожку на подлокотнике кресла, в котором сидел Брэдсток-Хьюм.

– Отличный балласт, не правда ли, полковник?

Бравый солдат побледнел и вжался в кресло.

– Один из ваших мешков, наверное, прохудился, когда вы совершали посадку на площадку для обсерватории. Подойдите сюда, Ватсон, я хочу вам кое-что показать.

Холмс вглядывался в темноту за окном. Я встал, подошел к окну и тоже стал вглядываться. В парке позади дома я с удивлением рассмотрел воздушный шар – тугие канаты удерживали его на крючьях, вбитых в землю, а из корзины свешивались мешки с песком.

– Потрясающе! Будь сейчас жив Чарли Пис, он сыграл бы для вас на скрипке, полковник!

– Я рад, что смог доставить вам такое удовольствие, мистер Холмс. Похоже, моя маленькая воздухоплавательная вылазка закончилась неудачей, но будь я проклят, если не встретил в вас равного себе. Скажите, сэр, мне готовиться к переезду в тюрьму или мы сможем договориться? Я бы возместил вам все расходы. Я достаточно состоятельный человек и не обижу ни вас, ни вашего друга.

– В этом нет необходимости, полковник. Насколько я понимаю, вы знакомы со скандинавским архитектором Фредериком Свенсоном?

– Понимаю, куда вы клоните, мистер Холмс. Да, он порой просит у меня совета, когда возникают проблемы с осуществлением его сложных и дерзких по стилю проектов.

– Насколько я помню, вы сотрудничали с ним при возведении оперного театра в Хельсинки, который потом много критиковали.

– У Фреди есть бунгало в западной части озера Утсйоки, и когда мы работали над проектом театра, он пригласил меня там остановиться, зная, что я обожаю финскую баню. И вот однажды, вылив ведро воды на раскаленные камни, он и спрашивает: «Ты слышал о моих проектах в Хавершеме?» Я говорю, что живу по соседству и читал об этом в местной прессе. Тут-то он и похвастался, что три дома, которые он проектировал, построены так, что вору туда забраться невозможно, ибо он применил там особую конструкцию ставен, замков и запоров, изготовленных по его чертежам. Я возразил тогда, что не стоит недооценивать изобретательность английских преступников, чей девиз «Было бы желание, а возможность найдется», и, будучи законченным честолюбцем, увидел в этом достойный вызов. Мы заключили пари, причем он предложил очень высокую ставку, утверждая, что никто не сможет обворовать эти дома. И я приступил к подготовке.

Первым делом я съездил в Гилдфорд, где находится фирма «Уайт и Перри», что устанавливала эти замки и ставни, и получил кое-какую информацию. Перри, кстати, мой сосед. Мы сели с ним, раскурили трубочки, он показал мне планы и признался, что из экономии и желания получить выгоду строители – помимо всего прочего – не сделали ставни на чердачные окна, да и рамы, насколько он помнит, установлены кое-как. По его словам, при такой высоте зданий это не имеет значения. Но как потом оказалось, это обстоятельство вкупе с пологой крышей и наличием платформы для обсерватории значительно облегчило мою задачу.

Понятно, что Свенсону не хотелось расставаться с деньгами, и потому он поставил два практически невыполнимых условия: кража должна состояться в то время, когда хозяева находятся дома, и обворовать необходимо все три дома разом. Чем больше я думал об этом, тем меньше надежд у меня оставалось, и, наконец, мне пришло в голову использовать мой воздушный шар. Воздухоплавание всегда было моей страстью, и я решил, что попытаюсь, пролетев над вершинами деревьев, сесть на платформу для обсерватории, а затем переберусь на соседние крыши. И вот в конце декабря я телеграфировал Свенсону, приглашая его к себе на Новый год, дабы он сопровождал меня в моей преступной вылазке и воочию наблюдал все мои действия. А сегодня утром он уехал – поджав хвост, поскольку в результате своего проигрыша лишился семи сотен фунтов! Но зато приобрел большое уважение к англичанам, коего не ведал ранее.

– Полагаю, вы собирались повторить свою вылазку, чтобы вернуть похищенные драгоценности?

– Не совсем так. Если бы я снова поднялся в воздух, это стало бы моим сотым полетом, и из некоторого суеверия я решил не рисковать, но приземлиться на лугу неподалеку от нужной мне улицы и идти туда пешком. Три свертка с украшениями я хотел оставить на пороге каждого дома, чтобы утром их обнаружили владельцы.

– Пусть я восхищен вашей отвагой и находчивостью в стремлении совершить идеальное преступление, но ваша черствость и пренебрежение чувствами других людей просто возмутительны.

– Выходит, вы сдадите меня в полицию, мистер Холмс? – Полковник помрачнел, впервые, наверное, осознав всю серьезность своего положения.

– Нет, но вам придется объясниться, когда мы вернемся в Хавершем, потому что дамы, и только они вольны казнить вас или миловать, полковник Брэдсток-Хьюм!

– Что ж, очень хорошо, – нахмурился он, – я согласен предстать перед судьями в чепцах, ведь такой суд куда лучше официального.

– Возврат похищенных драгоценностей, а также щедрое пожертвование в любимую благотворительную организацию, возможно, заставят их смиростивиться. Разумеется, мы с доктором Ватсоном лично препроводим вас на слушание вашего дела.

Полковник, кажется, повеселел.

– Давайте лучше поедem на поезде. Следующий отходит через десять минут.

– На поезде! – язвительно повторил Холмс. – Вы меня разочаровываете.

– Ах, вы желаете с высоты полюбоваться этим старым торговым городишком? – добродушно рассмеялся полковник. – Что ж, ничто не сравнится с полетом на воздушном шаре. Кстати, эффект, который оказывает воздухоплавание на организм человека, в особенности благоприятен для органов пищеварения, доктор Ватсон!

Мы забрались в корзину, поднялись в воздух и четверть часа плыли в воздушных потоках, пока не настало время спускаться. Когда мы приземлились на лугу, мне стало жаль, что наш полет завершился так скоро, ибо вид, что открывался с высоты на суррейские холмы с ночными огоньками, горевшими точно алмазы, был поистине великолепен.

2

Хирург-ловелас

В десятых числах ноября 1895 года я неожиданно повстречал своего друга Шерлока Холмса, которого не видел уже давно. Мы оба оказались на концерте из произведений Мендельсона, проходившем в зале Уигмор-Холл. Холмс сидел прямо за моей спиной. Похлопав меня по плечу, он в самых теплых выражениях предложил мне на три дня передать практику в Паддингтоне одному из коллег и переехать на Бейкер-стрит, потому что ему требуется помощь.

Погода той осенью была особенно мерзкая и туман густой как никогда. Улицы города накрыла темная, непроницаемая пелена, опасная для жизни и здоровья горожан. Как раз в то утро я осматривал одного беднягу – клерка с Треднидл-стрит, – который получил серьезные увечья, угодив под колеса экипажа. Причем случилось это в каких-то ста ярдах от моего порога.

На следующий день я снова сидел у камина в знакомой уютной комнате на Бейкер-стрит и покуривал трубочку. Я уже знал, что мой коллега с головой поглощен расследованием недавних преступлений, которые шокировали весь Лондон. Он указал мне на стопку смятых утренних газет, убрал с каминной полки свою персидскую туфлю и набил трубку табаком.

– Дорогой Ватсон, вы, разумеется, успели прочитать газеты. И что вы на это скажете?

– Могу сказать, что это просто чудовищно, – ответил я. – Однако меня возмущает, что по прихоти издателей с Флит-стрит, желающих увеличить тиражи, к этому маньяку приклеилась кличка Хирург-ловелас.

– Что ж, у человека вашей профессии подобные прозвища должны вызывать раздражение, – поддержал меня Холмс. – Тем не менее оно подходит ему как нельзя лучше! Если вы помните, первой его жертвой стала мисс Аделина Пардоу, фрейлина графини Роксбро – этой старой деспотичной законодательницы моды. В ее салоне на Чейн-Уолк кого только не повстречаешь – у нее собирается весь цвет лондонского общества, и мне кажется, что особенно любят наезжать к ней поэты и литераторы всех мастей. Ну так вот, проведя вечер с подругой – дебютанткой Люсиндой Уэллс, которая живет в прекрасных апартаментах на Слоун-стрит в Белгрейвии, – мисс Пардоу решила прогуляться по набережной Челси. Было уже темно, к тому же спустился туман, одним словом, далеко она не ушла. Кто-то подскочил сзади и прижал к ее лицу носовой платок. По словам самой мисс Пардоу – а перед смертью она успела дать показания, – она почувствовала резкий, удушающий запах. В первое мгновение ей стало дурно, но затем ее охватила эйфория, и она даже стала напевать какую-то популярную мелодию, слышанную в мюзик-холле.

Я невольно рассмеялся:

– Да, известны случаи, когда женщины пели под наркозом на операционном столе. Эфир или хлороформ способны вызвать эйфорию. А что до мисс Пардоу, то на рассвете ее нашел констебль – лежащей без сознания на скамейке у Кингс-Роуд. Оказалось, что ей ампутировали ногу! Причем обрубок был профессионально забинтован, а сверху надета шелковая подвязка – из тех, что джентльмен может подарить подруге или любовнице.

– Однако согласно заявлению ее личного врача, у нее не было проблем с ногами. Кровообращение было в норме. Он утверждал, что ни опухолей, ни повреждений, ни гангрены или дефектов костной или других тканей ему наблюдать не приходилось. Попросту говоря, мой дорогой Ватсон, ей отрезали ногу за здорово живешь! В то же утро она скончалась – ее хрупкое тело не справилось с шоком и потерей крови. Больница направила соответствующее уведомление в Скотленд-Ярд. Неизвестно, где производилась ампутация, но осуществлявший вскрытие судебно-медицинский эксперт высказался в том духе, что работа высший класс.

– Может быть, это проделки какого-нибудь студента-медика? – спросил я.

– Все может быть. – Холмс зажег трубку и вытянул ноги к очагу. – Так или иначе, следующей жертвой опять стала фигура заметная – не кто иная, как леди Стокер-Брант, дальняя родственница королевы и вдова знаменитого альпиниста и военного историка генерал-майора сэра Джеймса Артура Стокер-Бранта. По странному стечению обстоятельств она также проживает на Чейн-Уолк! Но сейчас она лежит в больнице Святого Георгия, потому что ее изувечили так же, как и ее предшественницу! Не найдется ли у вас пары свободных часов, Ватсон? Если вы не прочь, предлагаю съездить в больницу и поговорить с ней.

* * *

Когда мы вошли, в палате находились личные врачи леди Стокер-Брант – сэр Артур Ньютон и доктор Периголд-Макфарлен. Мой коллега – невзирая на обстоятельства – не пренебрег этикетом и приветствовал знатную даму, как принято при дворе. Вытянувшись перед ней по стойке смирно, он снял шляпу и коротко поклонился. Затем он сел на стул у ее кровати, чтобы задать ей несколько вопросов.

– Скажите, пожалуйста, почему вы шли по набережной в столь поздний час?

– Потому что мне хотелось подышать свежим воздухом, сэр! Таков мой обычай. Хорошо, что я живу у реки.

– Но вам было известно о преступлении, которое произошло несколькими днями ранее именно на этом участке набережной?

– Графиня Роксбро, дом которой находится по соседству, упоминала о нем в нашем разговоре, но я лично не знакома с этой Аделиной Пардоу.

– Вам не было страшно?

– Ничуть!

– И вы отправились на прогулку одна?

Леди Стокер-Брант кивнула.

– Мистер Холмс, мне никогда не приходило в голову, что этот Хирург-ловелас – или как его там – может питать интерес к людям моего класса, – без обиняков заявила она, гордая своим титулом и положением в обществе. – Слуги – это другое дело, мистер Холмс! – Едва ли фрейлины представляют низшее сословие, но мой друг, понятно, предпочел с ней не спорить. – Знаете, в темноте и тумане было очень плохо видно. Я пересекла Гросвенор-Роуд и пошла по набережной. Все случилось не далее чем в ста футах от моего дома. Помню, на мосту Баттерси горели огни, мимо проплывала баржа – и там горел сигнальный фонарь. Я все время смотрела на реку.

– Вы не слышали чего-нибудь подозрительного? Шаги, например? – спросил я.

Леди Стокер-Брант обратила на меня пронизательный взгляд своих фиалковых глаз, и я ощутил трепет, какой способны вызвать в собеседнике лишь представители старой аристократии.

– Я слышала голос... Это был мужчина... Кокни!

Холмс, который во время разговора едва сдерживался, чтобы не рассмеяться, тут не выдержал и усмехнулся:

– Ну да, конечно! Кто же, если не кокни! – Он хлопнул себя по колену.

– Я рада, что вас позабавили мои слова, мистер Холмс! – холодно заявила леди Стокер-Брант. – Кроме того, я расслышала имя Генри Грей или что-то в этом роде. Я точно не помню, но мне кажется, что это было, когда я переходила дорогу. – Она вздохнула и приложила ко лбу платок, смоченный одеколоном.

Холмс вскочил, подхватил свою шляпу и раскланялся:

– Премного благодарен, ваша светлость! Идемте, Ватсон, пора приниматься за дело.

– Поймайте этого злодея, мистер Холмс, – на удивление бесстрастно попросила леди Стокер-Брант. – Сейчас мне колют морфий, оберегая мои нервы, но ведь я понимаю, что до конца жизни обречена ездить на инвалидном кресле или ковылять на костылях. Я этого не переживу!

Мы тряслись в тархтящем кебе по Слоун-стрит, вдоль сплошных фасадов из красного кирпича, скрытых сейчас за бурым туманом, и вяло переговаривались.

– Мы хотя бы знаем, что это кокни, – заметил я.

Холмс глядел в окно, по-детски подтянув колени к подбородку. Однако мысли его были заняты вовсе не уличным движением.

– Сомневаюсь. Дабы изобразить выговор кокни, особые способности не требуются, Ватсон! – Сказав так, он надолго замолчал.

А я мрачно думал о том, что по вине этого извращенца доверие общества к людям нашей профессии, в котором мы всегда так нуждаемся, теперь надолго подорвано!

Выйдя на углу Флуд-стрит, мы перешли на другую сторону и последовали по маршруту леди Стокер-Брант. Оказалось, что у реки туман рассеивается. Впереди открылась приятная перспектива Чейн-Уолк. Особенность этого района такова, что хозяева каждого из милых особнячков могут наслаждаться уединением, живя при этом почти в центре города. Окна уютно светились в свете газовых фонарей. Слева протекала Темза, впереди высился мост Баттерси, вдоль противоположного берега тянулись складские ряды, у причалов сновали торговые суда с грузами. А за мостом открывался более широкий участок реки, где на мелководье стояла парусная баржа и множество плавучих домиков, один из которых привлек внимание моего друга. Он вскочил на парапет набережной и стал пристально разглядывать заинтересовавший его предмет. Вдруг его губы скривились в улыбке, он мрачно усмехнулся и воскликнул:

– А ведь это рифма! – Спрыгнув на землю, Холмс распорядился: – Стойте здесь, я скоро вернусь.

Затем он сбежал по ступеням к воде и, прыгая с камня на камень, добрался до судна, чтобы взглянуть на него поближе.

Должен сказать, что этот плавучий дом представлял собой унылое зрелище, ибо весь его корпус, выкрашенный белой краской, некогда, должно быть, блестящий и нарядный, теперь был изъеден ржавчиной и покрыт водорослями. На крыше кабины торчала простая дымовая труба. Словом, при взгляде на это сооружение невольно возникал недоуменный вопрос: что это – дом или лодка?

Я зажег сигарету и стал смотреть на стальной барк, что грациозно скользил мимо в сопровождении флотилии, которую составляли баржи и шаланды.

– Да там, кажется, давно никто не живет, – сказал Холмс, возвращаясь на набережную. – А вы видите название?

– Ну да, «Пендрил Гей», – ответил я.

– И что из этого следует?

– По-моему, ничего особенного. Лодку, наверное, назвали в честь некоей птицы, что встречается в местных болотах. Чтобы узнать точнее, необходимо проконсультироваться у специалиста по пернатой дичи, – шутливо отвечал я.

– А вам не кажется, Ватсон, что «Пендрил Гей» звучит почти как Генри Грей?

– Ну да, некоторое звуковое сходство имеется, – согласился я.

– Скажете тоже – некоторое звуковое сходство! – воскликнул Холмс, ударяя тростью о землю. – Да ведь на слух и не различишь! Спутать их проще простого. Вот, взгляните. – Он сунул мне в руки листок, вырванный из блокнота. – Я переписал объявление о продаже, что висит на двери кабины.

Я расправил листок и прочел:

– «Продается лодка «Пендрил Гей». С просьбами о сдаче внаем не обращаться. Владелец в настоящее время проживает во Франции. Для справок: Александр Лавсэй и К°, нотариус. Хай-стрит, 29, Баттерси. Июль 1893 г.»

– А сейчас уже 1895-й. Видимо, покупателей так и не нашлось. Лодку, похоже, изредка подкрашивают и смолят, но в общем она постепенно разрушается, стоя на приколе. Думаю, владелец с нотариусом давно о ней забыли.

Теперь мы вдвоем спустились на заболоченный берег и поднялись на борт.

Пока я оглядывал иллюминаторы и световой люк на крыше, ища способ пробраться внутрь, Холмс, обладающий криминальным талантом, быстро решил проблему.

– А замок-то недавно меняли, Ватсон, – заметил он, вынимая из кармана перочинный нож и вставляя его в замочную скважину.

Раздался щелчок пружины, дверь на шарнирах откатилась, и мы осторожно спустились по приставной лестнице вниз, где густо пахло смесью мыла, керосина и табака.

Обстановка оказалась весьма скромной. У стен, обитых деревом, располагались мягкие откидные сиденья. В дальнем конце помещения была печь с трубой и складной столик для умывальных принадлежностей, а посередине стоял длинный стол под керосиновой лампой. Заметив, что одна из деревянных панелей стены сдвинулась, я попробовал снять ее, и мне это удалось. В стене обнаружилась ниша.

Холмс, который ворошил тростью серую золу в печи, оставил свое занятие и подошел ко мне. Надо сказать, что я не менее своего коллеги надеялся обнаружить что-нибудь ценное в плане расследования, но этой находке я не обрадовался, а ужаснулся, ибо увидел хирургическую пилу, которую Холмс осторожно вынул из тайника, стараясь не задеть острого зубчатого лезвия. В тусклом свете, проникавшем в кабину через люк на крыше, на ручке из панциря черепахи явственно читалась золотая буква «М». Когда я сунул руку в нишу, чтобы проверить, нет ли там еще чего-нибудь, то нащупал картонную коробку без крышки. Внутри лежало несколько скальпелей, бинты и иглы.

– Мы, кажется, забрели в его логово, – поежился я.

Сложив все обратно и вернув на место панель, мы напоследок еще раз огляделись и поспешили оставить «Пендрил Гей», пристанище безумца, проводящего тут свои жуткие опыты.

– Что нам теперь делать, Холмс? – спросил я.

– Ваша старая адресная книга оказалась бесценной, Ватсон, ибо я нашел там всех врачей, живущих либо имеющих практику близ набережной. Среди них числятся, насколько я помню, доктор Минтон, доктор Мэдден и доктор Малбери. Я взял на себя смелость составить список.

– Так нам предстоит обойти весь Челси? – удивился я, чувствуя, что меня совсем не увлекает такая перспектива.

– Знаю, что это нелегко, но надеюсь, нам повезет и круг подозреваемых быстро сузится! – отвечал Холмс.

К шести часам вечера мы посетили не менее чем десять адресов, навестив в том числе доктора Митчелла, доктора Джозефа Монтегю (который оказался доктором философии!), доктора Персиваля Мэддена и доктора Джулиуса Марша, но никто из них не вызывал подозрений. Признаюсь, к тому времени я порядком утомился от этой бесполезной, как мне представлялось, затеи и мечтал только добраться до Бейкер-стрит и вкусно поужинать в уютной обстановке.

Очередной адрес привел нас к красивому георгианскому особняку с белым оштукатуренным фасадом, подъемными окнами и черными чугунными перилами. Дом на Элм-Парк-Роуд принадлежал доктору Теодору Морфиусу, консультанту Королевского лондонского госпиталя и кандидату в члены парламента.

Когда Холмс позвонил, дверь открыла экономка – полногрудая женщина по фамилии Стивенс.

– Доктор Морфиус сейчас в больнице на консультации, – сказала она, – и вернется не скоро.

– А вы не могли бы припомнить, где был доктор Морфиус в прошлую среду примерно с девяти до двенадцати часов вечера? – спросил Холмс.

– Нет ничего проще, – раздался голос из глубины прихожей, и на крыльцо вышел высокий смазливый молодой человек в щегольском сюртуке, бриджах и гетрах.

Его сигарета распространяла в воздухе экзотический аромат. Мне показалось, что он поглядывает на нас с высокомерием или даже пренебрежением. Неторопливо затянувшись, он облокотился о перила и продолжил:

– Во второй половине дня доктор Морфиус работал у себя в кабинете, а вечером отправился в клуб «Беркли». Адрес, я полагаю, вам известен. Доброй ночи, господа!

Холмс повернулся было, чтобы уйти, но внезапно передумал, остановился и холодно произнес:

– Я смотрю, вы не позаботились почистить туфли. Вы, наверное, лакей доктора Морфиуса?

Молодой человек, по-видимому жестоко оскорбленный этим предположением, сжал кулаки и со злостью выкрикнул:

– Да как вы смеете разговаривать со мной в подобном тоне? К вашему сведению, я сын доктора Морфиуса! А теперь прошу вас немедленно удалиться, иначе я спущу собак!

Мы поняли, что наш визит окончен и результат его – мое раздраженное ворчанье.

– Задать бы этому наглецу хорошую трепку, – говорил я, ища в карманах пальто сигару, когда мы шли по Элм-Парк-Роуд.

– А вы, кстати, заметили, какой марки сигареты он курит? – спросил мой друг.

– Какие-то турецкие – больно запах необычный.

– Нет, это египетские, марка «Сотня». Они продаются только в одной табачной лавке – у Луиса, что на Бродвее в Вестминстере. И они стоят того, чтобы ездить за ними в такую даль.

Мы остановились под фонарем, я закурил сигару, а Холмс достал из кармана окурок, который выудил из печи в «Пендрил Гей».

– Взгляните, – сказал он, поднося окурок к свету. – Что вы на это скажете?

– Неужели это сигарета той самой марки?

– Нет, я о другом. Вы не обратили внимания, как он держит сигарету? Я, например, заметил, что он нервно царапает бумагу ногтем, а здесь – посмотрите – такие же отметины.

– Поразительная наблюдательность! – воскликнул я.

– Полагаю, мы должны сообщить об этом инспектору Лестрейду – пусть запрашивает ордер на обыск в доме.

– Но для обыска необходимы веские улики, – заметил я, зябко потирая руки, ибо к ночи сильно похолодало.

– У меня они есть, Ватсон! – заявил Холмс. – Можете не сомневаться.

С этими словами он остановил кэб и велел извозчику ехать на ближайший телеграф, откуда мы послали телеграмму в полицию.

В восьмом часу инспектор Лестрейд ждал нас у ресторана «Бертрандс» на Кингс-Роуд. Несмотря на ордер в кармане, он заметно нервничал в ожидании того момента, когда предстоит им воспользоваться, ибо разрешение на обыск досталось ему немалой кровью. В Скотленд-Ярде восприняли его просьбу без энтузиазма. Сэр Фрэнк Ладлэм, заместитель начальника полиции, сначала ответил отказом, напомнив, что доктор Морфиус – светило медицины и член Медицинского совета Великобритании. Прочие прямо говорили, что опасаются политических последствий или боятся за свою карьеру. Одним словом, у Морфиуса-старшего име-

лись очень влиятельные друзья, но авторитет, коим пользовался в полиции Шерлок Холмс, в конце концов сыграл решающую роль.

– Этот человек весьма знаменит, к тому же будущий политик, – сказал Лестрейд.

– К сожалению, преступность не ведаёт социальных границ, инспектор. Убийства совершают как богатые, так и бедные. А вы хотите быстрее покончить с этим делом?

– Разумеется.

– Тогда выполняйте мои указания, которые вы получили в телеграмме.

– Вы утверждаете, что вам известна личность убийцы по прозвищу Хирург-ловелас, мистер Холмс?

– Именно так.

– А чем вы это докажете?

– Доказательства находятся в доме, так что давайте не будем попусту терять время, а поспешим отыскать их!

Мы сели в кеб и поехали на Элм-Парк-Роуд. На этот раз дверь нам открыл малый по фамилии Уитти – личный секретарь доктора.

– Я детектив из Скотленд-Ярда, и у меня ордер на обыск этого домовладения, – строго объявил ему Лестрейд. – Доктор Морфиус у себя?

Оставив на крыльце констебля, Лестрейд потребовал, чтобы секретарь проводил его к хозяину, а Холмс тем временем побежал по лестнице наверх, где велел одной из горничных показать ему комнату Морфиуса-младшего. Я, конечно, не отставал.

С порога наше внимание привлекла массивная каминная полка, заваленная игрушками, что обычно тешат мужскую гордость: сабли, охотничьи ружья и доспехи. Над зеркалом помещались вырезанные из дуба фигуры героев греческой мифологии. Модные гардины и тюлевые занавески обрамляли большие окна. Вход в ванную комнату был выполнен в виде изящной арки.

Горничная за дверью едва не рыдала. Холмс сначала рассмотрел коллекцию на каминной полке, а затем с явным удовольствием полез под диван, служивший юному джентльмену местом для ночного отдыха. Там он нашел то, что искал, ибо среди крикетных бит и другого спортивного инвентаря обнаружилось несколько кожаных чемоданчиков. Прихватив самый большой, Холмс поспешил вниз.

В гостиной сгустились тучи. Лестрейд строго и даже грубо запретил кому-либо выходить из комнаты, и, судя по ядовитым взглядам в сторону доктора Морфиуса, именно его он и считал главным преступником.

Доктор открыл свой золотой репетир, и сразу же часы на камине пробили полчаса. Это был старейшина нашей гильдии, обладающий гладстоновской энергией и выдержкой, прежде времени поседевший от забот, которые сопутствовали его высокому положению, и без пяти минут член парламента, ступающий на скользкий путь политической славы.

– Что все это значит, сэр? – взорвался он, потеряв терпение. – По какому праву вы вторглись в мой дом?

Юный джентльмен стоял за спиной отца с невозмутимым видом, будто все происходящее его не касается, и прихорашивался – он поправил воротник, слегка ослабил галстук и стряхнул пылинки с рукава.

– Повторяю, сэр! Что означает это возмутительное вторжение? – Морфиус грохнул кулаком по столу. Упала, звеня, серебряная ваза, в страхе задрожал графин с портвейном. – Предупреждаю вас, что мой секретарь готов выехать в Скотленд-Ярд в моем личном экипаже и привезти сюда начальника полиции, дабы он объяснил мне, что происходит.

– Прошу прощения за причиненное беспокойство. – Холмс элегантно поклонился и отвел в сторону Лестрейда.

Они некоторое время перешептывались, а затем инспектор сурово проговорил, обращаясь к Морфиусу-младшему:

– Мой долг сообщить вам, что вы арестованы по обвинению в убийстве Аделины Пардоу, фрейлины графини Роксбро, а также покушении на убийство леди Стокер-Брант, родственницы ее величества королевы.

Морфиус-старший, человек чести и джентльмен, мрачным взглядом уставился на сына:

– Что ты натворил? Если ты невиновен, скажи мне прямо, что эти ужасные обвинения предъявлены тебе по ошибке.

Не успел молодой человек заговорить, как Холмс продемонстрировал чемоданчик, найденный наверху.

– Вы знаете, что это? – спросил он Морфиуса-старшего.

– Знаю, – вздохнул доктор. – Это мой старый чемодан для инструментов. У меня таких несколько – я храню их в память о годах учения в Бартсе. Из чистой сентиментальности, если хотите. – Он взял у Холмса чемодан и открыл крышку. – Здесь моя старая хирургическая пила с красивой черепаховой ручкой, видите...

В чемодане было пусто.

– Вижу, что вашей пилы нет на месте, доктор Морфиус. И мне кажется, я знаю, где она.

– Но откуда у вас этот чемодан? – с тревогой спросил доктор.

– Я вытащил его из-под дивана в комнате вашего сына, а заодно еще кое-что интересное.

Вот шелковая подвязка с кружевными оборками. Примечательно, что точно такая есть у леди Стокер-Брант, а еще одну получила незадолго до смерти Аделина Пардоу – в подарок от неизвестного поклонника.

Морфиус-младший взял из коробки на каминной полке египетскую сигарету и закурил.

– Отец, мне, наверное, следует поехать с этими джентльменами в Скотленд-Ярд, – произнес он после пары затяжек. – Там и разберемся. А ты не мог бы сообщить мистеру Джорджу Луису, что мне могут понадобиться его услуги?

– Я сейчас же отправлю к нему секретаря, – хмуро пообещал доктор.

– Что ж, тогда давай расстанемся друзьями?

Но доктор словно не замечал протянутой руки молодого человека. Вместо этого он обратился к Холмсу:

– Мой адвокат свяжется с вами утром, сэр. Мой сын ни в чем не виноват!

– Боюсь, что ваш голос и жесты выдают ваши истинные чувства по этому поводу, – усмехнулся Холмс.

– Я очень занят, господа, меня ждет срочная корреспонденция, – невпопад ответил доктор Морфиус. – Прошу вас немедленно покинуть мой дом.

* * *

Судебные заседания в Олд-Бейли продолжались три недели. Джонатан Морфиус, студент медицинского факультета Кембриджского университета, был приговорен к смерти через повешение за убийство Аделины Пардоу и нанесение жестоких увечий леди Стокер-Брант. Утром накануне казни мы получили записку от мистера Джорджа Луиса, адвоката, с просьбой навещать его подопечного в тюрьме Пентонвиль. Очевидно, молодой человек желал рассказать что-то моему уважаемому коллеге с глазу на глаз. Мы прибыли в назначенный час. Заключение выглядело абсолютно невозмутимым, будто ему и дела нет до ожидающей его вскоре виселицы. Паркер, старый тюремщик, только что принес ему последний завтрак – бифштекс, яичницу, тост и бокал грога. В коридоре он вполголоса сказал Холмсу:

– Палач уже прибыл, мистер Холмс. Вы, пожалуйста, там побыстрее, а то время поджимает, хорошо?

– Так что вы хотели мне поведать? – спросил Холмс, закуривая. – Не беспокойтесь, нас не подслушивают.

Морфиус задумчиво прожевал кусок бифштекса, помолчал немного и заговорил:

– Никто ни о чем не догадывался, ведь с виду я был этакий невинный ангелочек. А я считал себя гением. – Он взял салфетку, вытер подбородок и улыбнулся. – К тринадцати годам я успел приобрести начальные знания по анатомии женского тела. Видя, как студенты в клинике молятся на моего отца, я хотел произвести на него впечатление, чтобы он уважал меня, а не только видел во мне сына и наследника.

– Как же вы получали женщин? – удивился Холмс.

– Ах, да это были проститутки, – поморщился он, – пьяные шлюхи. С тех пор как умерла моя мать, отец часто навещался к ним в притоны – в «Игл» на Сити-Роуд, что в Уайтчепел, и в Хеймаркет. Судьбой мне было уготовано принести некоторых в жертву великому богу науки. Например, Анни Чапмен – красотку с бешеным нравом и шикарными внутренностями. Сначала в ней не было ничего от жертвы, но потом и она опустилась. От судьбы не уйдешь! С Мери Джейн Келли, к которой отец был особенно привязан, мне пришлось повозиться на Миллер-Корт. Боюсь, однако, что тюремный капеллан и палач меня заждались. Боже, какая скука! – Он со вздохом отпил из бокала. – Меня часто посещала мысль начать записывать мемуары для потомков, чтобы потом отправить анонимную рукопись какому-нибудь издателю. Но так и не собрался. Все это лишние улики. Я ведь даже ножи подбрасывал в мясные ряды на Смитфилд, где они не вызвали бы подозрений.

– После которой по счету жертвы вы решили остановиться? – спросил Холмс. – После пятой?

– Число неверное, но это не важно. Меня отправили учиться в Итон, затем в Кембридж, и все-таки я порой находил возможности побаловать себя. – Злодей спокойно отодвинул тарелку. В этот жуткий час он, казалось, не испытывает ни капли скорби или сожаления, наоборот, наслаждается, предаваясь воспоминаниям о былых преступлениях. – Но, кажется, наша беседа подходит к концу! – Он слабо улыбнулся.

Мы с Холмсом поднялись и поспешили прочь из этого ужасного места.

Тут я предлагаю проницательному читателю самостоятельно сделать вывод о том, что представляют собой признания этого безумца. Что это было? Может быть, он и вправду рехнулся, поверив в свою гениальность, и все его рассказы – это не более чем бред сумасшедшего эгоцентрика? Я же полагаю, что при всем множестве бесконечных догадок и предположений относительно личности так называемого Джека Потрошителя, печально известного обитателям трупп в Уайтчепел, мною впервые изложена наиболее правдоподобная версия его преступлений.

3

Исчезновение лорда Донерли

– Сообщают, что лорд Донерли пропал, – сказал я как-то утром за завтраком, когда Холмс приступил ко второму яйцу.

– Ватсон, я умираю с голоду, – ответил Холмс, – я целую ночь провозился с трупом в морге Клеркенвелла.

– Надеюсь, случай хотя бы интересный?

Зная, что моего друга интересуют все аспекты криминального расследования, я полагал, что полиция озадачена чьей-то смертью, произошедшей при неестественных, необъяснимых обстоятельствах.

– Очень, – ответил Холмс. – Утопленник из Темзы.

– Странно, – заметил я. – Если какому-нибудь несчастному случится утонуть, речная полиция едва ли привезет его тело в Клеркенвелл.

– Возвращаясь к вашему вопросу, Ватсон, должен пояснить, что это труп пожилой женщины, проживавшей в Ист-Энде. Последним ее видел уличный торговец спичками неподалеку от собора Святого Павла. По всем признакам, она утонула, однако ее тело нашли в подвале одного из пабов в Кеннингтоне, обернутым в газеты. Вот в чем загвоздка. А вы, кстати, упомянули лорда Донерли?

– Да. «Телеграф» и «Таймс» сообщают о его таинственном исчезновении на похоронах.

– На похоронах? А кто умер?

– Сэр Уолтер Уоллингтон. По-видимому, он доводился лорду дядей.

– Ах, это знаменитый археолог Уоллингтон?

– Да, он.

Отдав Холмсу газету, я встал из-за стола и пересел в свое любимое кресло.

На дворе стоял пронзительный холод, даже окна за ночь покрылись ледяными узорами. Огонь в нашем очаге едва теплился, так что я взял кочергу и принялся ворошить угли, чтобы прибавить жару. Когда пламя за решеткой наконец вспыхнуло и разгорелось, я услышал, как внизу звонит дверной колокольчик, и вскоре в гостиную вошел мужчина в черном цилиндре и строгом черном пальто с последним номером «Таймс» под мышкой.

– Добрый день, джентльмены, – поздоровался он. – Надеюсь, я не помешал вашему завтраку?

– Мы уже позавтракали. – Холмс поднял глаза от газеты. – Если хотите кофе, то в кофейнике еще довольно.

– Благодарю вас, это будет кстати, – ответил наш гость, снимая цилиндр.

– Вы приехали на метро? – поинтересовался я.

– Нет, в кебе.

– Насколько я понимаю, вы к нам насчет лорда Донерли, – сказал Холмс, – вижу, у вас на рукаве траурная повязка. Возьмите чашку и присаживайтесь ближе к огню, вы, наверное, замерзли.

– А вы, сэр, стало быть, мистер Шерлок Холмс?

– Да, – кивнул Холмс, – а это мой коллега доктор Ватсон. Вы курите? Вот, берите сигару. Как сейчас на дорогах? Заторы, судя по всему?

– Ужасные заторы, мистер Холмс.

– Откуда вы приехали?

– Из Хэмпстеда, но я живу и работаю в Эдинбурге.

– Молодой лорд шотландец?

– Да. Я сопровождал его на похороны в Лондон. Моя фамилия Тимпсон, я адвокат семьи.

– У них замок в Лите, не так ли?

– Да. Там живет матушка лорда, леди Макгрегор. Свой дом в Челси она давно оставила по состоянию здоровья. Три недели назад ее светлость получили известие о болезни Уолли, и вскоре стало ясно, что бедняга долго не протянет. Тогда она направила Чарли в Лондон в качестве представителя клана, а меня попросила сопровождать юного лорда и присматривать за ним. Он страстно увлечен бегами и не вылезает из Эпсома.

– Наверное, и собственную лошадь держит?

– Совсем недавно у него было даже несколько. Лорд хоть и не наделен деловой хваткой и проницательностью, но уж больно любит лошадей и порой не может отказать себе в удовольствии купить скакуна. При таком подходе ему, понятно, хочется побеждать. Вот только сколько бы денег он ни швырял на высокопородных лошадей, все заезды они проигрывают. Да еще его лучший жокей в прошлом году оставил службу. Хуже того, он привык руководствоваться чужими советами, что привело к денежным трудностям.

– Короче говоря, он наделал долгов.

– Именно так, мистер Холмс. Его мать просто в отчаянии. Понимаете ли, высокое положение ее покойного мужа, бывшего командующего Пятым корпусом шотландских королевских стрелков, его безупречная военная и политическая карьера – все это накладывает обязательства. Ситуация в высшей степени щекотливая, оттого меня и призвали в замок.

Граф Альберто Веницилос, родом из Греции, утверждает, что несколько месяцев тому назад Чарли приобрел у него жеребца по кличке Алмаз Сарацинов – в долг, разумеется, под расписку. В Ньюмаркете жеребец пришел в последней десятке, а затем упал и сломал шею на ипподроме «Эйнтри», но граф тем не менее требует денег.

– И сколько же стоила эта лошадь?

– Сейчас трудно сказать, доктор Ватсон, – ответил Тимпсон с циничной усмешкой, – однако граф предъявил мне несколько платежных векселей, подписанных Чарли, на сумму пятьдесят тысяч гиней. Сам Чарли утверждает, что жеребца не покупал, а подписи на векселях фальшивые. Грек, естественно, пригрозил подать в суд. Необходимо как можно скорее достичь компромисса, иначе огласки не избежать. По просьбе леди Макгрегор, я обратился за советом к знаменитому барристеру сэру Хамфри Ардену – королевскому адвокату, и он, взвесив все факты, порекомендовал мне найти деньги и выплатить долг, не доводя дела до суда.

Видите ли, при иных обстоятельствах сэр Хамфри такого бы не посоветовал, ведь его связывала близкая дружба с покойным мужем леди Макгрегор, которого он высоко ценил и уважал как героя Тель-эль-Кебира и Османси. Однако он также знаком с личным врачом леди Макгрегор и наверняка в курсе ее хрупкого здоровья, которое не позволит ей перенести открытый суд и последующую громкую огласку дела. В общем, согласно моим инструкциям, она дала согласие выплатить графу пятьдесят тысяч гиней.

– А лорд Донерли обыкновенно любящий и заботливый сын?

– Конечно!

– Думаю, что люди, советами которых он руководствовался, использовали его в своих корыстных интересах. Может быть, они члены одной преступной группы.

– Кстати, говорят, что граф Альберто Веницилос на днях вернулся в Лондон.

– Для того, наверное, чтобы дальше шантажировать и запугивать молодого лорда, – заметил я.

– Само собой. Он занимает апартаменты в гостинице «Англетер» в Патрасе близ Олимпии, а также в Монте-Карло. Будучи поклонником спорта королей, сюда он приезжает, чтобы посетить «Гандикап Понсонби» в Ньюмаркете.

– В таком случае мы должны торопиться. Я немедленно отправлю телеграмму в Министерство иностранных дел. Сейчас в отеле «Карлтон» проживает греческая делегация – воз-

можно, они помогут нам найти графа Веницилоса. А между тем мне необходимо посетить дом сэра Уолтера Уоллингтона в Хэмпстеде, мистер Тимпсон.

Поручив миссис Хадсон отправить несколько срочных телеграмм, мы с Холмсом прыгнули в кеб и помчались, под яростный звон колокольчика, по Бейкер-стрит. Без малого десять мы прибыли в Хэмпстед. Небо хмурилось, предвещая дождь, пока наш возница тащился в гору к дому Уоллингтона. Тимпсон отпер дверь своим ключом, и мы вошли в пустые пыльные комнаты, где зеркала были затянuty траурными занавесями.

Мы сразу направились в кабинет сэра Уолтера.

Холмс подошел к окну и раздвинул шторы, чтобы разбавить густой полумрак дневным светом. В кабинете все осталось так, как было при жизни хозяина. На столе находились трубки и прочие личные вещи, на полках теснились сувениры, привезенные из бесчисленных экспедиций и с раскопок, с фотографий смотрел Уоллингтон в Египте, Уоллингтон в Новой Шотландии и Уоллингтон на реке Замбези.

Над мраморным камином, на двух больших медных крюках, вбитых в стену, помещалась лопата, а ниже была надпись: «Эту лопату я первым вонзил в могилу Атары. *Уоллингтон*».

– Крепкий инструмент, – заметил Холмс, с интересом разглядывая лопату, – хотя немного помятый. Боюсь, что для садовых работ уже не годится.

А я подошел к окну и закурил сигарету. Мой взгляд привлекла постройка среди деревьев в дальнем конце сада, которую я поначалу принял за голубятню.

– Это склеп, – сказал Тимпсон. – Уоллингтон сам его соорудил – для себя и своей жены Кэтрин. Она тоже умерла, увы, и теперь они лежат там вдвоем.

Треугольную крышу склепа венчала статуя египетской царицы Нефертити.

– Примечательно, – сказал Холмс, подходя к окну. – Но меня пока больше интересует дом. Что за стеной, мистер Тимпсон?

– А здесь, так сказать, поминальная зала, – объяснил Тимпсон, когда мы переместились в следующую комнату. – Многие собрались тут выпить последний бокал шампанского за Уолли.

– Когда это происходило?

– В день похорон, конечно.

Это было просторное светлое помещение с эркером длиной более тридцати футов. Из большого окна был виден газон. На мраморном камине, украшенном греческим орнаментом, поместили большую фотографию археолога в траурной черной рамке. Мебели в комнате не было, за исключением двух стоек под гроб.

– Уоллингтон, очевидно, был высоким человеком, – заметил Холмс, видя, как велико расстояние между стойками.

– Да, мистер Холмс. Выше шести футов ростом и крепкого телосложения. Гроб был такой тяжелый, что его несли восемь человек.

Наклонившись, Холмс принялся рассматривать пол у себя под ногами в увеличительное стекло и вдруг крикнул:

– Вот это да! Ватсон! Откройте окно, мало света!

Когда я исполнил его просьбу, он буквально приник носом к доскам, а мы с любопытством наблюдали за ним. Затем Холмс вскочил и, предпочитая не тратить время на объяснения, заявил:

– Теперь мне хотелось бы увидеть спальню лорда Донерли.

Тимпсон повел нас наверх в гостевую комнату, которая после унылой поминальной залы показалась нам особенно милой. Вещи лорда лежали в беспорядке в углу и на серванте. Тут был диван и небольшой столик, где стоял бокал воды и дорожный будильник, неистово отсчитывающий время.

– Здесь ничего не перемещали? – спросил Холмс.

– Нет, мистер Холмс. Все осталось так, как в то утро, когда исчез Чарли.

– Смотрите, Ватсон, стрелка будильника установлена на два часа. Не рановато ли, учитывая, что хоронить сэра Уолтера собирались не ранее половины десятого? Кстати, носил ли молодой лорд шлепанцы, находясь в доме?

– Да, мистер Холмс. Помню, у него были домашние турецкие туфли, которые он очень любил.

– Что ж, идемте теперь в сад.

Мы вышли из дома, и я, стоя в садовой арке среди бурого плюща, представлял себе, как прелестно здесь бывает весной и летом: распускаются цветы и кустарники, блестит под солнцем оранжерея и диск солнечных часов в пятнах лишайника посреди газона, и даже старая каменная стена, осевшая от времени, расцветает розами. Совсем не то что зимой, когда тут пусто и уныло.

Пройдя за оранжерею, мы увидели аккуратные цветочные клумбы и овощные грядки. Здесь Холмс предпочел задержаться. Он остановился, как будто разглядывая опавшие бурые листья, а потом указал на торчащие в земле бамбуковые палки, снабженные табличками, и спросил:

– Прочтите, пожалуйста, что написано на третьей табличке, Ватсон.

– Полно вам, Холмс! – фыркнул я. – Разве вы сами не видите, что тут написано «зимняя капуста»?

– Зимняя капуста, – усмехнулся Холмс, – а что тут растет?

– Лук! Садовник перепутал таблички. Наверное, он не отличается аккуратностью.

– Это совсем не похоже на Альфреда, – возразил Тимпсон. – Наоборот, он очень аккуратный и опытный садовник. Он двадцать лет отслужил главным садовником в поместье леди Макгрегор, а она ни за что не наняла бы некомпетентного в своем деле человека, не говоря уж о том, чтобы порекомендовать такого сэру Уолтеру.

– Ха! – весело воскликнул Холмс, схватил меня за руку и потащил за собой дальше по дорожке. – Знаете, Ватсон, – шепнул он мне на ухо, – не понимаю я этой страсти к садоводству, а вы?

Так мы добрались до самой стены. Склеп Уоллингтона стоял среди высоких деревьев, вершины которых скрывались в тумане. Царица Нефертити косила на нас сверху пустым белым глазом. Подойдя к склепу, Холмс зачем-то ударил по нему тростью, затем обошел вокруг, постукивая по камням, точно проверяя кладку на прочность.

– Смотрите, Ватсон, тут нет никакого входа. А как же внутрь поместили гроб, мистер Тимпсон?

– Была дверь, но после того, как внесли гроб, ее заперли на ключ, заложили кирпичами и замазали сверху раствором.

– У кого остался ключ?

– Ключ остался у распорядителя, который затем отдал его в переплавку, чтоб из него отлили памятную монету. Эту монету он отослал в замок леди Макгрегор в Шотландии.

– Да, тут не подкопаешься, – заметил я.

Не успели мы вернуться в дом, как у дверей зазвонил колокольчик, и когда Тимпсон отворил, мы увидели, что на пороге стоит не кто иной, как инспектор Лестрейд из Скотленд-Ярда. Лестрейд снял шляпу и вошел.

– Иностранец, говорите? – Он вынул записную книжку.

– Граф Веницилос, – ответил я.

– Ага, подданный Греции. Я отправил целый отряд детективов и констеблей в штатском в Ньюмаркет. Не сомневаюсь, что юный лорд и негодяй-шантажист будут среди публики.

– Погода не обещает сюрпризов, хотя может пойти дождь, – заметил Холмс, покуривая трубку.

– Я уверен, что к вечеру этот тип, Веницилос, а также лорд Донерли попадут к нам в руки, – продолжал Лестрейд.

– Ну а я предполагаю, что кобыла Артура Холта Молодка выиграет «Гандикап Понсонби». Очередная темная лошадка! – фыркнул Холмс.

– Я бы и гроша ломаного не поставил на эту клячу. Накануне от нее отказался тренер. Да и в прошлом она никогда не приходила первой.

– Ну а я, инспектор, – саркастически ответил Холмс, – тоже не поставил бы гроша, что вы найдете лорда Донерли на ипподроме.

– Почему вы так говорите, мистер Холмс? – спросил Лестрейд с озадаченным видом. – Вы, верно, знаете что-то, чего не знаю я!

– Вы не найдете лорда на ипподроме по той простой причине, что он туда не поехал. Однако если вы согласитесь составить мне компанию сегодня ночью – скажем, в час, – то я вам его отыщу.

Оставив обнадуженного Тимпсона в Хэмпстед, мы сели в кеб и поехали к себе на Бейкер-стрит. Когда мы проезжали по Мэрилебон-Роуд, было уже темно и дождь лил как из ведра. В блестящих тротуарах отражались зонты пешеходов и свет газовых фонарей.

Нас ждал ужин, приготовленный миссис Хадсон. За едой мы почти не разговаривали. Потом я сел в кресло с сигарой, а Холмс взял свою трубку, которая лежала на камине, и стал набивать ее крепчайшим табаком. Наблюдая за ним, я заметил, что на его лице порой мелькает лукавое выражение.

– Который час, Ватсон? – спросил Холмс, вытягивая длинные ноги к огню.

Я достал из кармана часы:

– Четверть девятого.

– Скажите, пожалуйста, что вы знаете о сэре Уолтере Уоллингтоне?

– Как мы имели возможность убедиться при посещении его дома, он сделал выдающуюся карьеру. Но я, признаться, не следил за его успехами.

– Понимаю. А вы помните лопату над камином в его кабинете?

– Конечно! И какая-то странная подпись – что-то насчет могилы Атары.

– После той экспедиции Уоллингтон больше не ездил в Египет.

– Значит, он успел выкопать всех мумий в пустыне?

– Нет, Ватсон. Египетские власти запретили ему въезд в страну.

– Почему же?

– У меня вот тут любопытная заметка из газеты. Это напечатали в «Таймс» несколько лет назад, а я вырезал и сохранил, так сказать, для потомков. Бумага пожелтела от времени, но текст несколько не пострадал.

Я взял у него вырезку, поднес к лампе и начал читать:

«Египтяне не верят словам сэра Уолтера Священное захоронение принцессы Атары осквернено. Украшения исчезли.

Как заявил в беседе с египетскими властями Эдал Графиум, владелец Музея естественной истории в Хартуме, он не обнаружил подтверждений тому, что могила была разграблена неизвестными шесть сотен лет назад, на чем настаивает сэр Уолтер Уоллингтон. Этот факт заставляет предположить, что именно сэр Уолтер похитил золото и бежал через пустыню в Бегум, порт на восточном побережье Африки, чтобы затем отправиться на пароходе в Европу. Однако Министерство иностранных дел Великобритании поспешило отвергнуть обвинения в адрес известного археолога как бездоказательные. По

словам самого сэра Уолтера, они смехотворны. «Впридачу к древней мумии на раскопках я приобрел лишь радикулит и изрядное количество пыли в легких».

– Странно, когда лопату выставляют на всеобщее обозрение, словно это ценный трофей. Если бы добыча сэра Уолтера была столь незначительна, как он уверял, то зачем вешать свое орудие посреди комнаты? Ну а если он действительно вывез украшения, то где, интересно, они сейчас? В Британском музее или в чьей-то частной коллекции?

– Вполне вероятно, Ватсон, что сэр Уолтер не сдал украшения в музей и не продал некоему коллекционеру, а оставил себе.

– Полагаете, его не привлекала возможность обогатиться за счет их продажи?

– Сомневаюсь! Ко времени экспедиции он был состоятельным человеком, хотя эти сокровища, поверьте, бесценны.

– То есть он предпочитал млеть над ними в одиночку?

– Возможно, Ватсон, – кратко ответил Холмс, давая понять, что разговор окончен.

Поздним вечером мы снова взяли кеб и отправились в Хэмпстед. Как было условлено, к нам присоединился Лестрейд. Раскрыв зонты – ибо дождь и ветер все не утихали, – мы углубились в сад. Когда мы добрались до калитки, один из наших фонарей последний раз вспыхнул и погас, а другой отчаянно мигал, собираясь вот-вот последовать его примеру.

– Зажгите кто-нибудь спичку! – крикнул Тимпсон и стал трясти фонарь, дабы расшевелить пламя.

– Для чего вы нас сюда притащили, мистер Холмс? – ворчал Лестрейд, безуспешно возясь со своей трутницей.

Ветер ревел, оглушительно шумели деревья, потоки дождя струились по мраморным одеждам Нефертити, взиравшей на нас с крыши склепа. Лестрейд уже не скрывал отчаяния.

– Неужели вы ожидали встретить здесь лорда Донерли, да еще в такую погоду, мистер Холмс? Или, по-вашему, он сейчас прогуливается где-то в окрестностях?

– Я этого не исключаю, инспектор, только придется немного подождать. Давайте спрячемся среди этих кустов, там не так льет.

Мы прождали около десяти минут. Дождь все не прекращался. Я стоял, согнувшись под своим мокрым зонтом, и как что-то несбыточное представлял себе теплую сухую постель и огонь очага... Кажется, несмотря на сырость и холод, я начал засыпать. Вдруг Холмс схватил меня за руку:

– Ватсон, проснитесь! Послушайте! Вы слышите?

Признаться, за шумом дождя я ровным счетом ничего не слышал. Но потом...

Тук, тук, тук. А затем громче: *тук, тук, тук!*

– Там что-то стучит и вроде бы даже лязгает, – сказал я.

– Может быть, это дух сэра Уолтера? – уныло пошутил Тимпсон.

Изнутри застучали громче и настойчивее.

– На привидение не похоже, – заметил Лестрейд.

Раздался грохот, будто в склепе обрушилась каменная кладка, а следом громкий голос воскликнул:

– Эврика!

Потом все стихло, и некоторое время из склепа не доносилось ни звука, так что наше первоначальное оживление успело смениться разочарованием. И внезапно – бах! – прогремел оглушительный взрыв. Царица Нефертити, окутанная облаком пыли, взмыла в воздух, несколько раз перевернулась, рухнула в мокрую траву и раскололась натрое.

Когда дым рассеялся, мы увидели молодого человека, который выбирался из развалин, таща за собой тяжелый мешок.

– Лорд Донерли, позвольте узнать? – Холмс бросился ему навстречу. – Вижу, у вас тяжелая ноша, разрешите предложить вам помощь.

– Благодарю, я справлюсь. – Лорд спрыгнул на землю. – Ах, сколько вас тут! Целая делегация встречающих.

– Надеюсь, вы провели время с комфортом, сэр, – сказал Лестрейд, отряхивая от пыли пальто.

– Было немного сыро, – пожаловался молодой человек. – Да и снаружи не лучше. Джентльмены, вы не откажетесь выпить со мной по бокалу чего-нибудь горячительного – ведь сырость ужасная? Идемте в дом!

– Вы должны нам все объяснить! – напомнил Лестрейд, отбирая у лорда мешок и взваливая его на плечо. В мешке что-то лязгало.

– А вас, наверное, привлек шум? – поинтересовался лорд Донерли. – Сначала я пытался проломить стену ломом, но работа шла туго, и я решился, наплевав на осторожность, устроить небольшой фейерверк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.